

КУРГАННАЯ ГИПОТЕЗА МАРИИ ГИМБУТАС: ПЕРВАЯ ВОЛНА МИГРАЦИЙ V ТЫС. ДО Н.Э.

Наталья Бурдо

Ключевые слова: курганная культура, лошадь, среднестоговская культура, дереивская культура, Триполье-Кукутень, миграции, индоевропейцы.

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Марии Гимбутас, литовского и американского археолога, одной из крупнейших фигур в изучении праистории Европы. Самую большую известность исследовательнице принесла ее «курганная гипотеза». Она впервые была сформулирована в результате подготовки монографии, посвященной предистории Восточной Европы (Gimbutas 1956), и представлена в Филадельфии в 1956 г. Курганная гипотеза до сих пор остается одной из наиболее популярных теорий происхождения и распространения индоевропейских языков и индоевропейской прародины.

Особое место в курганной гипотезе занимает представление о нескольких «волнах» миграций носителей индоевропейских языков. Больше всего дискуссий вызвала «первая волна», отнесенная М. Гимбутас к V тыс. до н.э. Различные аспекты курганной гипотезы, в основном касающиеся ямной культуры и проблемы индоевропейской прародины, широко обсуждались и остаются актуальными в современных дискуссиях. По мере накопления археологических свидетельств, результатов исследований с применением методов естественных наук – от изотопных датировок раскопанных объектов до исследований ДНК не только древнего населения, но и домашних животных – появилась возможность оценить достоверность представлений об этой проблеме.

Как оказалось, в целом эта концепция не подвергалась детальному анализу. Напомним, что в основе курганной гипотезы лежат реконструкции о прародине индоевропейцев и характеристики пра-индоевропейцев, полученные сравнительной лингвистикой. При-

родная среда – степи, хозяйство – кочевое скотоводство, социальная структура – воинственное патриархальное общество. Одомашнивание обитательницы степей – дикой лошади считалось главным открытием индоевропейцев. Им приписывают также открытие колеса и колесного транспорта. Эти открытия обеспечили мобильность индоевропейцев, появление воинственных всадников, военных вождей, накопление богатства в виде скота, что рассматривалось как свидетельство патриархального уклада и дифференцированного общества. Все эти особенности древних индоевропейцев объясняли широкое распространение в Евразии индоевропейских языков из центра их прародины. Важным аспектом были время и место перечисленных выше событий.

Из истории «курганной гипотезы»

Для формирования лучшего представления о предмете исследования коротко остановимся на истории его возникновения. Задачей М. Гимбутас было найти подтверждение данным лингвистики в археологических материалах. Ее курганная гипотеза (как и любые гипотезы о прародине индоевропейцев) – это попытка увязать лингвистическую модель с археологическими фактами и реконструировать исторические процессы доистории в эпоху ранних металлов V–III тыс. до н.э.

В качестве археологического эквивалента праиндоевропейцев исследовательница рассматривала «курганную культуру». Название это было сконструировано для объединения различных культур энеолита – РБВ V–III тыс. до н.э. в степях Евразии, практиковавших, по мнению М. Гимбутас, погребения под курганом. Кроме него главными характеристиками курганной культуры были признаны: ее локализация в степи; кочевое скотоводческое/конеvodческое хозяйство; сходство погребальных обрядов, керамических ком-

плексов, предметов вооружения, ключевая роль лошади в социально-экономической структуре (мобильность, конные всадники, накопление богатств в виде скота, социальная и имущественная дифференциация, военные вожди). Собственно, о чем-то подобном писал в свое время Г. Чайлд (Childe 1926), но он относил к предкам индоевропейцев носителей ямной культуры. «Курганная теория» М. Гимбутас углубила историю этих предполагаемых предков до начала V тыс. до н.э. При этом были использованы результаты изучения культур этого времени на территории Восточной Европы, появившиеся уже после написания трудов Г. Чайлда.

Следует также отметить, что «курганная гипотеза», впервые представленная М. Гимбутас в 1956 году (Gimbutas 1956), развивалась и уточнялась на протяжении трех последующих десятилетий (Gimbutas 1979; Gimbutas 1991). Курганная гипотеза первоначально предполагала четыре этапа развития курганной культуры – Курган I - IV, включавшие перечисленные культуры, и три волны миграций курганной культуры в Европу V-III тыс. до н.э. Затем число «волн» было сокращено до трех. Окончательная версия «курганной гипотезы» изложена в 1991 г. в X главе “The End of Old Europe: The Intrusion of Steppe Pastoralists from South Russia and the Transformation of Europe” книги «The Civilization of the Goddess» (Gimbutas 1991, 352-401; Гимбутас 2006, 387-444). В «курганную культуру» М. Гимбутас объединила археологические культуры степной зоны Волго-Уральского и Северопонтийского регионов в период V-III тыс. до н.э.

Курганная гипотеза предполагала постепенное, растянутое во времени, распространение курганной культуры волнами миграций. Начиная с 80-х гг. XX в. М. Гимбутас в изложении курганной гипотезы делает акцент на сценарии вторжения праиндоевропейцев в земледельческую Европу и исчезновении доиндоевропейской цивилизации в результате индоевропеизации. Этот сценарий был расписан начиная с предыстории процесса. Далее будут последовательно рассмотрены и проанализированы наиболее важные, ключевые моменты «курганной гипотезы». Среди них: предыстория «курганной культуры», domestикация лошади и ее использование, «курганная культура I» и первая волна миграций.

Предыстория «курганной культуры»

М. Гимбутас обратила внимание на единообразие культурного облика населения первой половины V тыс. до н. э. на огромной территории к востоку от Дона между Средней Волгой, Кавказом и Уралом. По ее мнению, это результат «беспрецедентно быстрого обмена между племенными группами», связанного с подвижностью конных скотоводов. Причем «первые наезды в днепровские степи этих кочевых народов происходили еще до середины V тыс. до н.э.», а позднее «конные воины курганной культуры I» появились в самом сердце Европы (Гимбутас 2006, 389).

Детское погребение с богатым инвентарем М. Гимбутас интерпретирует как «могилу отпрыска благородного, может быть царского рода». Находки костей и фигурки лошади в могильниках послужили для М. Гимбутас основанием для вывода о том, что носители самарской культуры не только разводили лошадей, но были кочевниками, использовали их для верховой езды (Гимбутас 2006, 391).

Самые древние свидетельства одомашнивания лошади зафиксированы М. Гимбутас в лесостепи Средней Волги. Культурные группы древних скотоводов представлены самарской (Поволжье и Приуралье, первая половины V тыс. до н.э.), а затем хвалынской (Средняя Волга – Приазовье, 4900-3500 до н.э.) культурами эпохи энеолита. Этот регион – предполагаемая прародина ИЕ, а самарская и хвалынская культуры отражают этап формирования и предшествуют появлению курганной культуры.

В настоящее время по типу хозяйства выделено два ареала самарской культуры: присваивающе-производящее/скотоводческое на юге лесостепной и в степной зонах и присваивающее – на севере лесостепной зоны. Основу скотоводческого хозяйства составляли лошадь и крупный рогатый скот. Поселения недолговременные, соответствующие скотоводческому типу хозяйства (Васильев 1981).

Хвалынская культура генетически отчасти связана с самарской. Установлено сосуществование поздних памятников самарской культуры и хвалынской, а также выявлены синкретические варианты самарско-хвалынской культуры. Поселенческие памятники недолговременны и носят характер стоянок. Основой

хозяйства хвалынской культуры было скотоводство, включая коневодство. Существовала собственная металлообработка. Медь поступала преимущественно из фракийских источников. Хвалынский очаг металлообработки формировался под влиянием раннетрипольского очага металлообработки и импульсов из фракийско-нижнедунайского региона. Среди медных предметов в хвалынских могильниках присутствуют как преобладающие местные изделия, так и единичные импортные из Типолья В I - Кукутень А и новоданиловского очага металлообработки, а дальность маршрутов, по которым подвигается металл из земледельческих центров, достигает 1500-2000 км (Рындина 1998, 153, 157, 159, 191-192).

Характерны грунтовые могильники с небольшими каменными закладами над могилами. Погребения одиночные, реже коллективные, положение покойников скорченное на спине, выявлены жертвоприношения крупного и мелкого рогатого скота, лошади. Зафиксированы находки черепов и костей крупного рогатого скота, которые интерпретируют как особый вид жертвоприношений: шкуры с головой и конечностями, уложенные в могилу (Васильев 2003, 61-69).

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемый период нет оснований для определения населения степей того времени как воинственных скотоводов-кочевников. Наличие лошади (на этом вопросе далее мы остановимся подробнее) не является однозначным свидетельством ни «мобильности», ни «воинственности». Собственно курганы также неизвестны. Связи с населением западных регионов были направлены на получение металла и технологий, связанных с его обработкой.

Лошадь – «главный атрибут» индоевропейцев

Доместикация лошади и характер использования этого домашнего животного играет ключевое значение при выборе археологических культур на роль пра-индоевропейцев. Предполагается существование некоего центра – прародины индоевропейцев, где лошадь была одомашнена и стала использоваться для упряжи и верховой езды, а затем эти достижения распространялись индоевропейцами вместе с языком. Таким образом, главные вопросы – это где и когда появилась домаш-

няя лошадь и где и когда ее стали использовать для упряжи и верховой езды.

В соответствии с курганной гипотезой М. Гимбутас отправной точкой в истории индоевропейцев было одомашнивание лошади около 5000 до н.э. в лесостепных районах между Восточной Украиной и Северным Казахстаном. «Добыча пропитания и передвижение носителей курганной культуры были непосредственно связаны с одомашненной лошадью, что опять-таки представляло резкий контраст с жизнью не знавших лошадей древнеевропейских земледельцев. Скотоводческое хозяйство, постоянно прибавлявшиеся стада крупных животных, верховая езда и необходимость мужской силы при обращении со скотом – это, как можно предположить, способствовало переходу от матриальной к патриальной, военизированной организации общества; в Южной России и в более отдаленных областях он произошел не позднее 5000 г. до н.э....» (Гимбутас 2006, 388).

М. Гимбутас полагала, что одомашнивание лошади произошло в V тыс. до н.э. в лесостепи Средней Волги у носителей самарской культуры, причем тут не только разводили лошадей, но и использовали их для верховой езды. И уже в это время осуществлялись «первые наезды в днепровские степи кочевых народов». «Верховая езда изменила ход европейской предыстории. Вооруженный конный воин представлял смертельную угрозу для мирного безоружного земледельца. С середины V тыс. до н.э. и на протяжении тысячелетий быстроногие лошади несли с собой смуты <...> скифы, сарматы, гунны, авары, римляне славяне и викинги, кельты и герои Гомера, крестоносцы <...> мы видим, что быстроногие лошади способствовали тому, что все существование оказалось подчинено насилию» (Гимбутас 2006, 389). Древнейшим центром одомашнивания лошади М. Гимбутас считала также и азово-днепровские степи – территорию средне-стоговской культуры.

Как видим, в вопросе с лошадью исследовательница выделила несколько ключевых, по ее мнению, моментов: регион и время одомашнивания, место в хозяйстве, использование для верховой езды. Из двух последних пунктов, по ее мнению, следовал неизбежный вывод относительно высокой мобильности и

воинственности общества древних скотоводов. Рассмотрим далее последовательно современные взгляды по перечисленным вопросам.

Одомашнивание лошади. Еще 70 лет тому назад В.И. Громова констатировала сложность проблемы доместикации лошади на основании данных палеозоологии, так как «Отличия костей домашних лошадей от диких не известны, да и вряд ли существуют в абсолютной форме» (Громова 1949, 191). В связи с этим С.Н. Бибиков предпринял попытку решения этой проблемы на основании археологических данных, то есть изображений лошади (Бибиков 1953, 244-247). Вряд ли такой путь можно считать успешным, и его использование М. Гимбутас спустя почти сорок лет не может не вызвать возражений. Современные исследователи также отмечают, что изучение доместикации животных – одна из самых сложных проблем, решение которой возможно за счет применения широкого спектра методов из разных дисциплин (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 405).

Среди археозоологов до сих пор нет единого мнения о критериях, позволяющих отличить по остеологическим материалам домашнюю лошадь от дикой. Историография дискуссии о доместикации лошади в степном нео-энеолите довольно подробно представлена в исследованиях Н.С. Котовой (Котова 2013, 119-121). Археологи и археозоологи В.И. Цалкин (Цалкин 1970, 201), О.П. Журавлев, Н.С. Котова (Журавлев, Котова 1996, 9-10), В.А. Дергачев (Дергачев 2007) настаивают на существовании домашней лошади и в скотоводческих и в земледельческих культурах с эпохи неолита.

В северном Приазовье и Нижнем Подонье домашняя лошадь появляется на стоянках Матвеевокурганской культуры около 6265 г. до н.э., то есть в VII тысячелетии до н.э. (Крижевская 1992). Исследованиями Н.С. Котовой (Котова 2013, 120) и О.П. Журавлева установлено наличие домашней лошади в VII тыс. до н.э. у носителей неолитических азово-днепровской и нижнедонской культур. Приазовье, вероятно, было одним из центров доместикации лошади уже в неолите. Лишь у неолитического населения, жившего на юге лесостепи и севере степи в непосредственной близости от азово-днепровской и нижнедонской культур (БДК степного Побужья, черкасский

вариант киево-черкасской культуры ДДК), фиксируется развитое животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиньи. У населения, в становлении которого принимали участие носители азово-днепровской и нижнедонской культур (лизогубовская, позднеэнеолитическое население Сиверского Донца и Айдара), стадо включало, кроме мелкого и крупного рогатого скота и свиньи, еще и лошадь. На стоянке Гард 3 (6200-5300 до н.э.) найдены как кости домашней лошади, так и тарпана (Журавлев, Котова 1996, 8-12).

В последнее время обоснованно поставлено под сомнение одомашнивание лошадей в Ботаяе, считавшемся одним из древнейших центров доместикации. Промеры костей лошадей из Ботая свидетельствуют о том, что это были дикие лошади. Не подтвердилось также и предположение об использовании здесь твердой упряжи (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 406-407). Генетические исследования показали, что ботайские лошади не были предками современных лошадей, а также нет сходства с лошадью Пржевальского, признанной не дикой, а одичавшей одомашненной лошадью. Это подтверждает вывод археозоологов о том, что лошади Ботая относятся к дикому виду. П. Козинцев и П. Кузнецов обоснованно предполагают, что ботайская культура оставлена охотниками на диких лошадях (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 406-408).

Исключительную роль степного населения в распространении домашней лошади ставит под сомнение ее наличие у древних земледельцев уже в первой половине V тыс. до н.э. В.И. Бибикова относит немногочисленные кости лошади из трипольского поселения Лука-Врублевецкая (5900-4700 до н.э.) предположительно к домашним животным, они составляют всего 2,1% домашних животных и принадлежали 2 особям (Бибикова 1953, 412-413, 457). С.Н. Бибиков полагал, что на раннем этапе развития Триполья «лошадь уже находилась на пути к одомашниванию» (Бибиков 1953, 185).

О.П. Журавлев настаивает на присутствии немногочисленных особей лошади в стаде трипольцев начиная с раннего этапа. Причем исследователь определяет наличие костей разных лошадей как западного (толстоногие), аналогичного современным тяжеловозам, так

и восточного, упряжных и верховых (наполонину тонконогих) типа. Лошадь была получена трипольцами из разных мест. В поселении Бильшивци найдены следы рабочей патологии на костях лошади, что свидетельствует об использовании ее в качестве тягловой силы (Журавльов 2008, 17-19).

Неожиданно высокий процент (до 16,4%) домашних животных, не характерный для древнеземледельческих культур, представляет лошадь на поселениях Болград-Алденъ. В гумельницких поседениях этот процент может достигать 4%, а в раннетрипольских – 8% (Субботин 1983, 95).

Использование лошади степными скотоводами. До сих пор некоторые исследователи считают, что именно приручение лошади было конкурентным преимуществом степных скотоводов – индоевропейцев, позволившим им заселить огромные пространства Евразии. Однако основной аргумент для таких взглядов – это выводы лингвистов, а не реальные археологические свидетельства.

Современные исследования убедительно доказывают скотоводческий характер хозяйства населения евразийских степей начиная с V тыс. до н.э. Особенности скотоводства в степи были обусловлены природными факторами, оно в значительной мере зависело от климатических колебаний (Котова 2006, 119; Котова 2013, 113-122; Скоробогатов 2011, 182-186) и сезонов вегетации пастбищ в степи.

В Подонье на поселениях репинской и среднестоговской культур обнаружены кости двух видов диких лошадей: тарпана и широкопалой позднелепесточеновой лошади, а кости домашней лошади не выявлены (Котова 2013, 121). Это очевидное свидетельство того, что лошадь была и домашним животным, и объектом охоты в тех местах, где водилась в значительном количестве. Н.С. Котова охарактеризовала такой тип скотоводства в степной Украине для эпохи нео-энеолита, дав ему условное название «восточноевропейский».

Поскольку среднестоговскую и хвалынскую культуры ныне объединяют в одну культурную общность, то эти характеристики можно распространить и на этот регион. Для степного скотоводства типична значительная роль лошади в стаде и малое количество или

полное отсутствие свиней. Важное значение лошади в стаде степных скотоводов объясняется максимальной приспособленностью этого еще не одомашненного животного к восточноевропейским степным ландшафтам.

Лошадь – единственное домашнее животное, которое способно самостоятельно добывать зимой корм на пастбище, разбивая копытами ледяную корку (этот процесс носит название тебеневка). Таким образом, лошадь еще и обеспечивает возможность выпаса другого домашнего скота почти круглый год. Летом после выпаса лошадей пастбища меняют видовой состав трав, который становится наиболее пригодным для выпаса крупного и мелкого рогатого скота. Разные подвиды степного скотоводства выделены в зависимости от преобладания в стаде крупного или мелкого рогатого скота. В периоды аридизации увеличивалась роль мелкого рогатого скота, а в периоды увлажнения климата увеличивалась доля крупного рогатого скота и охотничьей добычи (Котова 2013, 122-125). Реконструкция хозяйства скотоводов в бассейне Волги показывает, что сезонные перекочевки осуществлялись вдоль Волги, а продвижение скота было очень медленным и могло осуществляться пешими пастухами (Горашук 2003, 127), то есть не требовало использования верховой лошади.

Гипотетически устанавливается использование степными скотоводами лошади как вьючного животного, а также конных пастухов, которые использовали ременную узду. Данные об использовании жесткой узды из рога или металла нет. Череп коня из Деревки со следами удила по радиоуглеродной датировке относится не к энеолиту, а более позднему периоду (Котова 2013, 120). Таким образом, никаких реальных доказательств наличия воинственных степных всадников V тыс. до н.э. пока не найдено.

Курганная культура I

К курганной культуре I причислена среднестоговская культура, но не синхронная с ней и объединенная в культурно-историческую общность хвалынская культура. По мнению М. Гимбутас, появление среднестоговской культуры на Днепре вызвано миграцией хвалынской культуры на Днепр, а с середины V тыс. до н.э. на основе хвалынской культуры

на Нижней Волге складывается раннеямная культура (Гимбутас 2006, 388-393, 397). Сейчас установлено, именно хвалынская культура возникла под влиянием среднестоговской.

В среднестоговскую культуру М. Гимбутас включала стоговский (дошнуровой) и дереивский (шнуровой) периоды, выделенные Д.Я. Телегиным, а также погребения новоданиловского типа (Телегин и др. 2001, 6, 57-108), и рассматривала культуру в целом, без учета хронологической последовательности существования разных памятников разных периодов. Для среднестоговской культуры предполагается культ лошади, одиночные или парные грунтовые захоронения, «предшествующий типичному индоевропейскому набору оружия» в виде кремневых наконечников стрел и копий, топоров и кинжалов, причем «этими видами оружия можно было пользоваться в конном бою», погребения мужчин с богатым инвентарем, и даже могилы «военной элиты» (Гимбутас 2006, 397-398).

Современные данные о ССК¹ не согласуются как с общей интерпретацией, которую им дает М. Гимбутас, так и с некоторыми деталями в ее описании. Формирование хвалынской культуры Н.С. Котова связывает с переселением в связи с аридизацией около 5250-5100 лет до н. э. части населения раннего периода среднестоговской культуры из степного Подонья на правобережье Волги. Здесь в результате синтеза традиций местных самарской и орловской культур со среднестоговскими появилась хвалынская культура (Котова 2006, 161).

В целом данные о характере скотоводства для стоговского периода ограничены малым количеством находок костей животных. Н.С. Котова рассматривает хозяйство расположенной в степной зоне ССК как комплексное, включающее животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей, а также земледелие, с выращиванием пшеницы-двузеньянки, ячменя, проса, вики эрвилиии. Состав стада и объекты охоты

в значительной степени зависели от климатических колебаний (Котова 2006, 163-164). Данные, указывающие на особую роль коневодства, а тем более наличие верховой лошади или кочевой характер скотоводства, отсутствуют.

В то же время обращает внимание наличие в среднестоговской культуре собственного очага металлообработки (новоданиловского), зафиксированного Н.В. Рындиной. Его производство представляется сложным конгломератом технических взаимодействий с переплетением традиций и приемов культуры Варна, которые преобладали, Триполья В I и собственно среднестоговскими. Присутствуют как местные изделия, которые преобладают, так и импорты из культуры Варна и единичные из Триполья В I. Однако большинство кузнечных приемов новоданиловских мастеров отличались низким качеством исполнения, что свидетельствует об их более низкой квалификации по сравнению с мастерами земледельческих культур (Рындина 1998, 168-170).

Парные погребения, известные в некоторых могильниках ССК, М. Гимбутас (Гимбутас 2006, 399) интерпретирует как свидетельство «обрядов сати» (погребения с вождем его жены или сожительницы). Однако анализ упомянутых ею комплексов не подтверждает такую интерпретацию. Значительная часть погребенных не имеет половых определений. В могильнике Яма парное захоронение взрослых совершено в выложенной каменными плитами могиле с перегородкой для каждого покойника (Телегин 1973, 113, рис. 58/3; Котова 2006, 59, рис. 87).

В могильнике Александрия выявлено 3 парных и 2 групповых погребения. В парном погребении №№18-19 похоронены мужчины; в №№ 23-24 – «двое взрослых»; в парном погребении №№ 37-38 похоронены мужчины, причем оба черепа пробиты острым инструментом (Телегин 1973, 110-111). В грунтовом могильнике Игрень в одном парном погребении № 3 были похоронены мужчина и женщина, а в другом, № 5 – мужчина и ребенок (Котова 2006, 45, рис. 52/1, 5-7). В кургане 8 Кут в погребении № 1 найдено 2 раздавленных черепа (Котова 2006, 59). В мариупольском грунтовом могильнике – парное

¹ Термин ССК по Д.Я. Телегину объединяет памятники стоговского периода раннего энеолита и дереивского среднего/позднего энеолита, памятники новоданиловского типа, синхронные стоговским, выделены особую группу грунтовых могильников (Телегин 1973, 112) или в отдельную культуру (Телегин и др. 2001). Н.С. Котова к ССК относит памятники раннего энеолита стоговского периода и новоданиловские.

погребение XXI – двое мужчин: старческого возраста и 30-35 лет (Котова 2006, 51). В кургане 3 у станицы Батуриная в погребении 14 – взрослый и ребенок, а в погребении № 20 – около ног взрослого обнаружен расчлененный костяк.

Есть ли основания считать носителей ССК «кочевыми скотоводами и воинственными до всадниками», как предполагает М. Гимбутас, опираясь на находки конеголовых скипетров в новоданиловских погребениях периода раннего энеолита и на коневодческий характер поселения Деревка деревинского периода? В целом данные о характере скотоводства для стоговского периода ограничены малым количеством находок костей животных. Н.С. Котова рассматривает хозяйство расположенной в степной зоне ССК как комплексное (Котова 2006, 163-164). Данных, указывающих на особую роль коневодства, а тем более наличие верховой лошади или кочевой характер скотоводства, нет.

«Первая волна»

Реконструируемая М. Гимбутас первая волна вторжения курганной культуры в Восточную и Центральную Европу около 4400-4300 гг. до н.э. была связана с погребениями новоданиловского типа среднестоговской культуры, обнаруженными в Молдавии², Южной Румынии и Восточной Венгрии, то есть далеко на запад от территории среднестоговской культуры в бассейне Днестра и Приазовье. М. Гимбутас акцентирует внимание на курганных погребениях и преобладании в этих могилах погребений мужчин. В качестве примера исследовательница рассматривает курганные погребения с конеголовыми скипетрами в Суворово в Буджаке и Касимче на Нижнем Дунае и приходит к выводу, что они принадлежат «вождям», представителям «воинской элиты» и демонстрируют два аспекта индоевропейской идеологии. Это культ лошади, жертвоприношения лошади³ и «обычай сати» (Гимбутас 2006, 398-399).

² М. Гимбутас ошибочно относит погребение со скипетром из Суворово к территории Молдавии. В действительности это Измаильский р-н Одесской области, Украина (Телегин и др. 2001, 65-66).

³ Приведенные М. Гимбутас факты о жертвоприношении коня в Золотой Балке (Виззев 1960, 166-176) и «недалеко от Одессы» (Шагалий, Черняков 1970, 5-115) не соответствуют приведенным ссылкам.

Курганная культура вплотную подошла к границам с земледельческой культурой Кукутень-Триполье – восточного форпоста цивилизации Старой Европы. Эта миграция стала первым этапом первой волны миграций около 4400-4300 г. до н.э. Днепропровский регион стал исходной позицией для следующего этапа миграции первой волны, направленной на запад, когда носители курганной культуры I (новоданиловский тип) достигли Балкан и распространялись вдоль Дуная до культур Винча в Сербии и Лендель в Венгрии.

Последствия первой волны миграции в восточную и центральную Европу М. Гимбутас описывала следующим образом: «Угасание Варны, Караново, Винчи, Ленделя на основной территории и их распространение к северу и северо-западу является косвенным указанием на то, что здесь произошла катастрофа невиданного масштаба, которую невозможно объяснить одними климатическими изменениями, истощениями земель или эпидемиями во второй половине V тыс. Напротив, есть прямые подтверждения набегов конных воинов: об этом говорят не только индивидуальные мужские захоронения под земляными насыпями, но и целый комплекс признаков курганной культуры: поселения на возвышенностях; лошади; превалирование скотоводства; следы насилия и патриархальной системы, символика солнечного культа, все эти элементы теснейшим образом переплелись в общественном, хозяйственном и религиозном устройстве курганной культуры» (Гимбутас 2006, 399-403). Миграции первой волны курганной культуры I, по мнению М. Гимбутас, представлены именно погребениями новоданиловского типа (приблизительно 4800-4200 до н.э.). Современные данные о количестве погребений периода раннего энеолита противоречивы. А.Л. Нечитайло относил к новоданиловской культуре погребения в 41 пункте на территории от бассейна Тисы на западе до Поволжья и Калмыкии на востоке (Телегин и др. 2001, 64-74). Согласно исследованиям Н.С. Котовой, на основной территории среднестоговской культуры в Поднепровье, Северском Донце и Приазовье зафиксировано 24 пункта с могильниками или отдельными погребениями раннего энеолита, включая новоданиловские, из них 15 – курганные. Общее число пунктов с погребениями среднестоговской

культуры составляет 43, из них около 20 курганных (Котова 2006, 9-70). Из них 9 пунктов выявлено в Предкавказье, в том числе 4 – под курганами. В западном регионе на территории от степей днестро-дунайского междуречья до севера Румынии погребения новоданиловского типа известны в 10 пунктах, 3 из них курганные. Кроме того, погребения, которые следует связывать со среднестоговской культурой, отдельные находки конеголовых скипетров и немногочисленные фрагменты ракушечной керамики обнаружены на Балканах в культурах Коджадермен-Караново VI – Гумельница, Варна, Криводол-Сэлкуца.

Могильники новоданиловского типа отличаются от остальных могильников среднестоговской культуры широтой географического диапазона, богатством инвентаря и разнообразными культурными связями как с земледельческими культурами Старой Европы (медные предметы, металлургическое сырье, керамика), так и с Предкавказьем (обсидиан, гешировые бусы, сосуд из Новоданиловки).

По мнению Д.Я. Телегина и Ю.Я. Рассамкина, высокий статус погребенных в могильниках новоданиловского типа был обусловлен тем, что они принадлежали к социальным группам, которые специализировались на обмене престижными предметами. Именно благодаря этому степное население, вплоть до Среднего Поволжья, получало от культур Гумельница и Варна металлические предметы и медное сырье из Балкан-Карпатской металлургической провинции. А.Л. Нечитайло также полагала, что погребения новоданиловского типа могли принадлежать мастерам-менялам, которые обменивали высококачественные кремневые изделия и заготовки (Телегин и др. 2001, 62-63). Без обменных операций было невозможно функционирование новоданиловского очага металлообработки, выделенного Н.В. Рындиной. Здесь зафиксировано переплетение традиций металлообработки земледельческих культур Варна, Триполье, Гумельница и местных мастеров (Рындина 1998, 168-170).

Когда исчезают земледельческие культуры Варна и Караново-Гумельница и очаг этот металлообработки угасает, в степных культурах дереивского периода не фиксируются ни подобных элитных групп (Котова 2006, 156),

ни собственных очагов металлообработки в скотоводческих культурах до времени рубежа энеолита – РБВ (в постмариупольской культуре). По мнению Н.С. Котовой, погребения новоданиловского типа, найденные вне основной территории среднестоговской культуры, могли принадлежать участникам специальных экспедиций, осуществлявших обменные операции в отдаленных территориях. А погребения со скипетрами, совершенные по степному обряду на территории земледельческих культур, могут представлять людей с высоким социальным статусом, который соответствует участникам обменных экспедиций, отправлявшихся в отдаленные земли за медью, а также престижным сырьем – морскими раковинами *Spondilus*. Возможно, считает Н.С. Котова, в таких экспедициях использовали вьючных лошадей, а кроме того, лошадь также могла быть предметом обмена (Котова 2006, 149-150). Тут следует отметить, что именно для периода раннего энеолита, к которому и относятся погребения новоданиловского типа, нет данных, позволяющих утверждать о коневодстве, хотя домашняя лошадь зафиксирована среди остеологических остатков.

Утверждение М. Гимбутас о преобладании в новоданиловских могильниках погребений мужчин не соответствует действительности. Правда, в большинстве случаев данные о поле погребенного не приводятся, но все же некоторые имеющиеся сведения опровергают мнение М. Гимбутас. Так, в грунтовом могильнике Дечия Мурешулуй из 15 выявленных погребений 4 детских (№2(1), №3(1), №7, №9), 1 – женское (п. № 15), многие плохой сохранности и пол не определен (Котова 2006, 64-66). В грунтовом могильнике Джурджулешть из 5 выявленных погребений, отличавшихся богатым инвентарем, 3 – детские, 1 – мужское (возраст 20-25) (Котова 2006, 67-68). Для многих других могильников в большинстве случаев пол погребенных не указан, но среди единичных случаев с определениями присутствуют как мужчины, так и женщины.

Среди погребального инвентаря обнаружены символы власти – булавы, конеголовые скипетры, роговое навершие, медный молоток, однако на основной территории распространения среднестоговской культуры могильные сооружения с символами власти не выделя-

ются среди других погребений. Оценка общего уровня социального развития среднестоговской культуры позволяет предполагать, что такие погребения принадлежали лидерам, выдающимся членам общины, но не «военным вождям». По мнению Н.С. Котовой, 8 из 9 погребений с символами власти могут быть интерпретированы как воинские, в 6 из них оружием является скипетр и булава.

В погребении из Фелчу символом власти мог быть медный топор, присутствуют также наконечники стрел. В погребении мужчины (№ 4) из Джурджулешть символом власти, вероятно, был дротик с золотыми обкладками, а к оружию относится копье со сложным наконечником, дротик с роговым наконечником и медный «стилет». Такое сочетание инвентаря позволяет предположить, что лидеры были и военными предводителями. Кремневые ножевидные пластины, которые М. Гимбутас называет кинжалами, как и кремневые тесловидные орудия («топоры») не имели отношения к вооружению.

Ранее мы упоминали предположения, что новоданиловские погребения с богатым набором престижных вещей принадлежали элитным группам, занимавшимся престижным обменом. Однако анализ погребального инвентаря показывает, что его характер определялся не столько имущественным статусом, сколько поло-возрастными характеристиками. Погребения с символами власти чаще всего не содержат других престижных вещей. В этом отношении богатством украшений выделяются погребения детей и подростков и взрослых репродуктивного возраста. Курганные захоронения не отличаются от грунтовых наличием символов власти или богатством инвентаря и, по мнению Н.С. Котовой, не отражают высокий статус умершего (Котова 2006, 155-157).

Каменные конеголовые скипетры, связанные с погребениями ССК, М. Гимбутас рассматривала как символы власти военных вождей, изображающие взнузданную лошадь – участницу конных военных походов. Зооморфные (конеголовые) скипетры найдены на обширной территории от области культур Караново VI-Гумельница, Криводол-Сэлкуца-Бубани Хум, Варна на юго-западе, на территории Кукутень-Триполье, до хвалынской куль-

туры и Предкавказья (Govedarica, Kaiser 1996, Abb. 1-2)

Скипетры многие исследователи рассматривают как атрибут степных скотоводов и свидетельство их миграций или даже военных вторжений на земли земледельцев. Несмотря на степную принадлежность, скипетры наиболее широко распространены на территории земледельческих культур Старой Европы: Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Варна, Криводол-Сэлкуца (Георгиева 2005). Фрагмент скипетра найден на поселении Триполье В I Березовская ГЭС. Считается, что скипетры с разной степенью реалистичности изображают голову лошади, а это животное, одомашненное скотоводами евразийских степей, не было известно земледельцам. Некоторые скипетры найдены на территории могильников культур Варна и Коджадермен-Гумельница-Караново VI в курганных или грунтовых погребениях с инвентарем, характерным для хвалынской и среднестоговской культуры. Ареал распространения скипетров в земледельческих культурах в целом совпадает с территорией, на которой выявлены погребения степных скотоводческих культур, а также с находками керамики с примесью измельченной раковины.

Часть исследователей считает, что концентрация находок скипетров в Карпато-Балканском регионе свидетельствует о том, что именно оттуда они происходят (Збенович 1987, 112; Goveodrica, Kaiser 1996, 76-77). Эта версия представляется важной еще и потому, что в хвалынской-среднестоговской общности нет традиции изготовления предметов из полированного камня, за исключением отдельных булав, которые тоже могут быть импортами.

П. Георгиева полагает, что стратиграфическое положение костяной ложки с зооморфными головками из Созополя и сходство керамического комплекса этого поселения с керамикой Сэлкуца III, Ваксево, Ребарково, Шуплевец четко очерчивает хронологические рамки этих находок хронологическим периодом Гумельница A/V1 – Кукутень А - Триполье В I. Она проанализировала контекст находок скипетров в культурах Коджадермен-Караново VI - Гумельница, Варна, Криводол-Сэлкуца и убедительно показала, что они синхронны с финальными фазами существования этих культур. Нет оснований полагать, что находки

скипетров относятся к периоду, следующему за финалом позднеэнеолитических культур на Балканах и сигнализируют об уничтожении земледельческих культур вторжением скотоводов (Георгиева 2005, 155).

По мнению П. Георгиевой, зооморфные скипетры можно сравнивать с аналогичными изделиями без зооморфных деталей, но изготовленных с использованием золота и меди из Варенского некрополя. Можно предположить, что традиция размещения подобных предметов в могилах характерна для эпохи энеолита для всех культур Балкано-Карпатской металлургической провинции. Исходный вариант и первоначальное место появления скипетров установить невозможно, но очевидно, что они имели разное культурное происхождение в тот период, для которого нет свидетельств массовой миграции, но зафиксированы разнообразные межкультурные контакты (Георгиева 2005, 156).

Соотнесение находок конеголовых скипетров и ракушечной керамики в комплексах Кукутень А - Триполье В I, Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Криводол-Сэлкуца и Варна позволяет считать, что появление их относится к периоду 4600-4400 г. до н.э., что приблизительно совпадает с отнесением первой волны курганной культуры I к периоду 4400-4300 г. до н.э. Однако нет оснований полагать, что эти культуры уничтожены степными пришельцами. Дело в том, что сожженные дома на многослойных поселениях относятся к разным хронологическим горизонтам, поэтому не могут рассматриваться как следы разрушительного массового вторжения.

Причиной упадка земледельческих культур стало не военное вторжение степной курганной культуры I, и не их миграции, представленные присутствием незначительных по численности групп скотоводов, а климатические изменения. В земледельческой Европе первым от климатических катаклизмов пострадало население Балкан. Именно холодные сибирские ветры, а не экспансия конных воинов курганной культуры I, также двигавшихся с востока, стали причиной коллапса культур Варна, Караново-Гумельница и Винча. Земледельческое население вынуждено было приспособляться к новым экологическим условиям, в результате изменился хозяйственно-

культурный тип населения, земледельцы становятся пастухами, происходит культурная трансформация.

Примером такой культурной трансформации и продвижения населения, имевшего земледельческие традиции, является культура Чернавода I, сохраняющая некоторые традиции своего земледельческого субстрата в сочетании с новыми чертами. М. Гимбутас полагала, что керамика Чернаводы I «имеет безусловное родство с керамикой курганного типа Молдавии и Украины». Однако это ошибочное мнение. Керамический ансамбль Чернаводы I сочетает характерное для земледельческих культур морфологическое разнообразие и традиции степных культур в технологии и оформлении сосудов. Синкретизм также ярко проявился в вариативности погребального обряда культуры Чернавода (Манзура 2013, 126-139).

Необходимо также подчеркнуть, что вместе с земледельческими цивилизациями Балкан исчезают и такие черты среднестоговской культуры, как богатые погребения с символами власти, очаг металлообработки, тесные контакты с передовыми земледельческими цивилизациями. Это связано с тем, что те же климатические изменения коснулись и южных районов степи. Климатические катаклизмы в степи вызвали уменьшение площадей пастбищ, привели к перегруппировкам и перемещениям населения. По мнению Н.С. Котовой, аридизация климата около 4400 г. до н.э. стала причиной угасания среднестоговской культуры, уменьшения ее территории, смешения с другими культурами. В результате появилась новая дереивская культура.

В курганной гипотезе М. Гимбутас впервые предложила конфликтную модель взаимоотношений земледельческой цивилизации Старой Европы и степных скотоводов. Именно с миграцией первой волны курганной культуры I она связывает исчезновение земледельческих культур на Балканах и подготовку к оборонительным действиям поселений Кукутень-Триполья, отмечая, что в начале IV тыс. до н.э. «ко времени Кукутень В местное население перебралось на те места, которые было лучше оборонять».

Последствием первой волны миграции в восточную и центральную Европу было не только угасание земледельческих культур на Балка-

нах и появление синкретической культуры Чернавода I, но и исчезновение следов степных скотоводов как на «завоеванных» территориях, так и в степном регионе. «Степная инвазия» парадоксальным образом привела не только к хиатусу в хронологии земледельческих культур на Балканах, но и к отсутствию данных о контактах степного населения с земледельцами до периода финала Триполья В II.

На основании интерпретации одних и тех же археологических источников строятся противоположные модели, объясняющие исторические процессы и явления. Многие исследователи придерживались мнения о взаимных мирных контактах между земледельческим и скотоводческим населением, отмечая важную роль этих связей именно для развития степных культур (Манзура 2000, 238; Бурдо 2005, 177-183; Videiko 1994; Рассемакин 2004, 3-17).

Среди сторонников конфликтного сценария миграции степных скотоводов некоторое время была Х. Тодорова, которая полагала, что степная инвазия привела к исчезновению культур фракийского энеолита и временному хиатусу между периодом позднего энеолита и РБВ в некоторых районах (Тодорова 1980, 66-71). Впоследствии Х. Тодорова придерживалась мнения о том, что влияние скотоводов было минимальным, а упадок земледельческих балканских культур вызван экологическими изменениями, приведшими к катастрофическим последствиям (Todorova 1995, 89-90). Мнение о разрушительной роли степного нашествия курганной культуры I последовательно отстаивает В.А. Дергачев, подробно анализируя археологические источники и аргументы М. Гимбутас (Дергачев 1999; Дергачев 2000).

Таким образом, исследования последних десятилетий показывают ошибочность точки зрения М. Гимбутас о гибели балканских культур под натиском курганной культуры.

Дискуссия

Важным вопросом является правомерность выделения курганной культуры. Объединение М. Гимбутас в «курганную культуру» многочисленных культур энеолита-РБВ на огромной территории от Днепра до Урала вызвала критику многих исследователей. Само понятие «курганная культура» предпо-

лагает функционирование этого объединения в качестве определенного единого организма. Это трудно представить, учитывая территориальный и хронологический охват курганной культуры. Очевидна общность курганной культуры М. Гимбутас только по одному параметру – скотоводческому хозяйственно-культурному типу.

Современные тенденции в понимании культурогенеза в евразийских степях в достаточной мере противоположны взглядам М. Гимбутас. С 90-х гг. XX века исследователи предложили новую картину культурогенеза в Каспийско-Черноморских степях в эпоху энеолита – РБВ. Для энеолита Азово-Черноморского региона было выделено несколько самостоятельных культур, отличающихся генетическими, территориальными и хронологическими признаками (Рассемакин 1993, 5-28; Рассемакин 2004, 3-16; Котова 2006; Котова 2013). Сложное взаимодействие между этими культурами, их генетические и хронологические связи не согласуются с объединением их в курганную «суперкультуру». Эта новая система степных культур противоречила представлениям о едином фронте скотоводческих культур, объединенных в курганную культуру, экспансия которой была направлена против земледельческих цивилизаций Старой Европы.

Время (VII тыс. до н.э.), а также центры одомашнивания лошади, как и перечень связанных с этим процессом «степных» и соседних с ними культур в настоящее время отличаются от представлений, определенных М. Гимбутас около тридцати лет тому назад. В то же время, учитывая возможность domestикации лошади еще в VII-VI тыс. до н. э. скотоводами степной зоны, возможно и в двух центрах – в Поволжье и Подолье-Приазовье, приоритет одомашнивания лошади остается за степными скотоводами.

Однако нельзя исключать возможность существования и других центров domestикации лошади, в том числе в среде земледельческих культур. С.М. Бибииков высказал предположение о возможности domestикации лошади в лесной зоне центральной и юго-восточной Европы на основе местного вида крупной лесной лошади, ставшей исходным видом для приручения домашней лошади Триполья

(Бибиков 1953, 244-247). Эту идею никто не проверял, но, возможно, есть вероятность, что она верна, и тогда будет еще один центр доместикиции лошади.

Насколько известно, ни один археозоолог не сравнивал кости лошади из трипольских поселений, отнесенные к диким животным (свидетельство существования в лесостепи в V тыс. до н. э. популяции диких лошадей?), с теми, которые определены как домашняя лошадь. Современные генетические исследования не исключают возможности доместикиции лошади в разных центрах. Установлено, что в одомашнивании лошади участвовало несколько различных популяций диких лошадей, то есть домашняя лошадь происходит от несколько диких популяций (Jansen et al. 2002).

Составленная на основании доступных в настоящее время археологических свидетельств, археометрических исследований характеристика носителей курганной культуры I, в качестве которых в настоящее время можно рассматривать население среднестоговской культуры, не позволяет представлять их как воинственных конных кочевников, возглавляемых вождями.

Социально-экономическая характеристика среднестоговской культуры М. Гимбутас основана на искаженной интерпретации данных. Скотоводческое хозяйство среднестоговской культуры включало разведение лошадей и было основой комплексной экономики, которая развивалась в экстремальных условиях степного региона. Это не способствовало значительному приросту населения. Небольшое число известных памятников свидетельствует о малочисленности населения среднестоговской культуры, социальная организация которого соответствовала уровню архаичного племени. Лошадь играла важную роль при выпасе скота и поставляла мясную пищу, но нет доказательств использования верховой лошади, а тем более существования военных всадников.

Свидетельств присутствия среднестоговской культуры на территории Старой Европы слишком мало, особенно учитывая распространение их погребений на огромной территории от Предкавказья до Тисы.

Выводы

Курганная гипотеза М. Гимбутас до сих пор остается одной из наиболее популярных гипотез индоевропейской прародины, однако большинство исследователей обращаются в этой концепции к более позднему периоду, связанному с волной миграций ямной культуры, относящейся к курганной культуре III. Предыстория курганной культуры, курганная культура I, соответствующая первой волне миграций, менее востребованы. Анализ археологических источников, лежащих в основе курганной гипотезы М. Гимбутас, особенно курганной культуры I, позволяет выявить несоответствие интерпретаций современным данным. Термин «курганная культура» представляется лишним содержанием, которое в него вкладывала исследовательница, поскольку отражает не общность археологических культур, а общность хозяйственно-культурного типа.

Основанием для определения курганной культуры как пра-индоевропейских предков, а также первичной территорией их обитания и прародиной индоевропейских языков послужили тезисы о доместикиции носителями этой культуры лошади, которая обусловила преимущество степным племенам перед земледельческими. Предполагалось, что разведение лошадей автоматически обеспечивало мобильность населения и военную экспансию конных всадников на земли мирной земледельческой Старой Европы. Предыстория курганной культуры связана со степным регионом Поволжья и населением волжской, самарской, хвалынской, которой была одомашнена лошадь. Однако самые ранние свидетельства доместикиции лошади установлены для VII тыс. до н.э. в Приазовье, задолго до появления курганной культуры.

Из всех признаков пра-индоевропейцев в курганной культуре I присутствует только один – коневодство, а все остальные признаки – результат неправильной интерпретации археологических источников. Очевидно, что соотнесение курганной культуры I с пра-индоевропейскими языками оказывается ничем не аргументировано.

Утверждение о первой волне миграции курганной культуры I и военной экспансии на Балканы среднестоговской культуры не подтверждается данными археологии. Погребения

ния среднестоговской культуры за пределами ее основной территории слишком немногочисленны даже для простой миграции. Их появление объясняют захоронениями участников обменных экспедиций среднестоговского населения. В среднестоговских погребениях не находят специализированного оружия, а символы власти в виде конеголовых скипетров не могут считаться доказательством существования конных воинов и патриархальных вождей.

Хронологически среднестоговские погребения совпадают с финальными фазами культур Каджедермен-Гумельница-Караново VI, Варна, Криводол-Сэлкуца, однако к исчезновению этих культур среднестоговская культура не имеет никакого отношения. Социально-экономические потенциалы древнеземледельческих цивилизаций (Відейко 2015, 49-99) и степных скотоводческих культур несопоставимы. Незначительные группы скотоводов, погребения которых выявлены на

Балканах, не могли представлять абсолютно никакой угрозы земледельческому населению. Исчезновение земледельческих цивилизаций вызвано климатическими изменениями, которые коснулись также и скотоводческих культур в южных районах понтийско-каспийских степей.

Серьезным недостатком реконструкции культурно-исторических процессов М. Гимбутас ныне представляется то обстоятельство, что ею не были учтены климатические изменения, серьезно влиявшие на условия жизни и поведение населения эпохи энеолита. Установлено, что именно колебания климата (а не одомашнивание лошади) стали катализатором, вызывавшим мобильность населения как со скотоводческим, так и с земледельческим хозяйственно-культурным типом. Изменения среды обитания вызывало перегруппировки археологических культур и было одним из факторов культурогенеза и социогенеза в эпоху палеометалла.

Библиография

- Бибиков 1953:** С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. Материалы и исследования по археологии СССР, 38 (Москва-Ленинград 1953).
- Бибикова 1953:** В.И. Бибикова, Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская. В: Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. Материалы и исследования по археологии СССР, 38 (Москва-Ленинград 1953), 411-458.
- Бурдо 2005:** Н.Б. Бурдо, Трипільське населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії. В: (Ред. Л.Л. Залізник) Кам'яна доба України, 7 (Київ: «Шлях» 2005), 177-185.
- Бурдо 2016:** Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье. *Tyragetia s.n. X/1*, 2016, 7-38.
- Васильев 1981:** И.Б. Васильев, Энеолит Поволжья (Куйбышев 1981).
- Васильев 2003:** И.Б. Васильев, Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования). В сб.: Вопросы археологии Поволжья, 3 (Самара 2003), 61-99.
- Відейко 1999:** М.Ю. Відейко, Вопросы взаимодействия «земледельческого» и «скотоводческого» населения Северного Причерноморья в эпоху энеолита. В сб.: (Ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко) Краткие сообщения Одесского археологического общества (Одесса 1999), 37-39.
- Відейко 2015:** М.Ю. Відейко, Південно-Східна та Центральна Європа у V-IV тис. до н.е. (Київ 2015).
- Георгиева 2005:** П. Георгиева, За зооморфните скиптри и последните етапи на късноенеолитните култури Варна, Коджадермен – Гумелница – Караново VI и Криводол – Сълкуца. *Studia archaeologica Universitatis Serdicensis IV*, 2005, 144-167.
- Горащук 2003:** И.В. Горащук, Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры. В сб.: Вопросы археологии Поволжья, 3 (Самара 2003), 118-133.
- Громова 1949:** В.И. Громова, История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Труды Палеонтологического института XVII, 1-2, 1949.
- Дергачев 1999:** В.А. Дергачев, Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднепровья. *Stratum plus 2*, 1999, 169-221.
- Дергачев 2000:** В.А. Дергачев, Два этюда в защиту миграционной концепции. *Stratum plus 2*, 2000, 188-236.
- Дергачев 2007:** В.А. Дергачев, О скипетрах, о лошадях, о войне (Санкт-Петербург: «Нестор-История» 2007).

- Журавльов 2008:** О.П. Журавльов, Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України (Київ 2008).
- Журавльов, Котова 1996:** О.П. Журавльов, Н.С. Котова, Тваринництво неолітичного населення України. Археологія 2, 1996, 3-17.
- Збеневич 1987:** В.Г. Збеневич, Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья. В: Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла (Тбилиси 1987), 109-119.
- Котова 2006:** Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006).
- Котова 2013:** Н.С. Котова, Деревьевская культура и памятники нижнемихайловской культур (Київ-Харьков «Майдан» 2013).
- Манзура 2013:** И.В. Манзура, Культуры степного энеолита. В: (Ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 115-153.
- Крижевская 1992:** Л.Я. Крижевская, Начало неолита в степях Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 1992).
- Рассамакин 1993:** Ю.Я. Рассамакин, Энеолит степного Причерноморья и Приазовья. In: (Ed. P. Georgieva) The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium, Nesseburg, 28-30 August 1992 (Sofia 1993), 5-28.
- Рассамакин 2004:** Ю.Я. Рассамакин, Степи Причерномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств. Археологія 2, 2004, 3-24.
- Рындина 1998:** Н.В. Рындина, Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы (Москва 1998).
- Скоробогатов 2011:** А.М. Скоробогатов, История изучения раннего энеолита Донской лесостепи. В: Грамота, 2 (8): в 3-х ч. Ч. III (Тамбов 2011), 182-186.
- Субботин 1983:** Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины (Київ: Наукова думка 1983).
- Телегин 1973:** Д.Я. Телегин, Середньостогівська культура епохи міді (Київ: Наукова думка 1973).
- Телегин и др. 2001:** Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко, Среднеостоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона (Луганск: Шлях 2001).
- Тодорова 1980:** Х. Тодорова, Энеолит Болгарии (София 1980).
- Тодорова 1986:** Х. Тодорова, Каменно-медная эпоха в България (София 1986).
- Цалкин 1970:** В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР, 161 (Москва 1970).
- Childe 1926:** V.G. Childe, A Study of Indo-European Origins (London 1926).
- Gimbutas 1956:** M. Gimbutas, Prehistory of Eastern Europe, Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. In: American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin No. 20 (Cambridge, Massachusetts 1956).
- Gimbutas 1979:** M. Gimbutas, The three waves of Kurgan people into Old Europe, 4500-2500 BC. In: Archives Suisses d' Anthropologie Générale, 43 (Genève 1979), 113-137.
- Gimbutas 1991:** M. Gimbutas, The Civilization of the Goddess (San Francisco: Harper 1991).
- Goveodrica, Kaiser 1996:** B. Goveodrica, E. Kaiser, Die aneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas. Eurasia Antiqua 2, 1996, 59-103.
- Jansen et al. 2002:** T. Jansen, P. Forster, M. Levine, H. Oelke, M. Hurles, C. Renfrew, J. Weber, K. Olek, Mitochondrial DNA and the origins of the domestic horse. PNAS August 6, 2002 99 (16) 10905-10910; <https://doi.org/10.1073/pnas.152330099>
- Kosintsev, Kuznetsov 2013:** P. Kosintsev, P. Kuznetsov, Comment on "The Earliest Horse Harnessing and Milking". Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 405-408.
- Todorova 1995:** H. Todorova, The Neolithic, Eneolithic and Transitional Period in Bulgarian Prehistory. In: (Eds. D.V. Bailey, I. Panayotov) Prehistoric Bulgarian. Monographs in World Archaeology 22, 1995, 79-98.
- Videiko 1994:** M.Yu. Videiko, Tripolye – "pastoral" contacts. Facts and character of interactions. Baltic-Pontic Studies 2, 1994, 5-28.

Ipoteza kurgană a Mariei Gimbutas: primul val de migrații din mileniul V a. Chr.

Cuvinte-cheie: cultura Kurgan, cal, cultura Sredny Stog, cultura Dereivka, cultura Cucuteni-Tripolie, migrație, indo-europeni.

Rezumat: Ipoteza kurgană a M. Gimbutas rămâne până în prezent una dintre cele mai populare ipoteze cu privire la patria ancestrală a indo-europenilor. Analiza surselor arheologice, care stau la baza ipotezei M. Gimbutas, în

special a „culturii Kurgan I”, scoate în evidență necoresponderea interpretărilor cu datele arheologice cunoscute în prezent. Termenul „cultură Kurgan” pare a fi lipsit de conținutul pe care cercetătoarea l-a pus în el, deoarece nu reflectă o comunitate a culturilor arheologice, ci un tip economic și cultural comun. Dintre toate semnele proto-indo-europene din cultura Kurgan I, doar unul este prezent – creșterea calului, iar toate celelalte sunt rezultatul unei interpretări incorecte a surselor arheologice. Evident, corelația culturii Kurgan I cu limbile proto-indo-europene se dovedește a fi nerezonabilă. Afirmatia despre primul val de migrație a culturii Kurgan I și expansiunea militară în Balcani a culturii Sredny Stog nu este susținută de date arheologice. Armele specializate nu se găsesc în înmormântările culturii Sredny Stog, iar simbolurile puterii sub formă de sceptri cu cap de cal nu pot fi considerate dovezi ale existenței cavalerilor războinici și a liderilor patriarhali. Însă nu au fost luate în considerare schimbările climatice, care au influențat serios condițiile de viață și comportamentul populației din epoca eneolitică.

The Kurgan hypothesis of Maria Gimbutas: the first wave of migrations of the 5th millennium BC

Keywords: Kurgan culture, horse, Sredny Stog culture, Dereivka culture, Trypillia-Cucuteni, migrations, Indo-Europeans.

Abstract: The Kurgan hypothesis of M. Gimbutas still remains one of the most popular hypotheses of the Indo-European ancestral homeland. Analysis of the archaeological sources underlying the Kurgan hypothesis, especially the “1st Kurgan culture”, reveals the discrepancy between interpretations of modern data. The term “Kurgan culture” seems to be devoid of the content that the researcher put into it, since it reflects not a commonality of archaeological cultures, but a common economic and cultural type. Of all the signs of the Proto-Indo-Europeans in the Kurgan culture I, only one is present, that is, horse breeding, and all the other signs are the result of an incorrect interpretation of archaeological sources. It is obvious that the correlation of the Kurgan Culture I with the Proto-Indo-European languages turns out to be unjustified. The theory about the first wave of migration of the Kurgan Culture I and military expansion to the Balkans by the Sredny Stog culture is not supported by archaeological data. Characteristic weapons are not found in the burials of Sredny Stog culture, and the symbols of power in the form of the stone horse-headed scepters cannot be considered evidence of the existence of “equestrian warriors” and “patriarchal leaders”. Climatic changes, which seriously influenced the living conditions and behavior of the population of the Eneolithic era, were not taken into account.

31.03.2021

Др. Наталия Бурдо, Институт археологии Национальной академии наук Украины, ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-4873-5092>, e-mail: nbburdo@gmail.com

